Фея в медвежьей берлоге

Шумел лес, гудел ветер, столетние сосны плакали и стонали… Старая колдунья Метель кружилась в дикой пляске. Дедко Мороз смотрел на нее, хлопал в ладоши и восклицал с довольным видом, потирая руки:

— Лихо! Ой, бабушка Метелица, лихо! А лес шумел, и старые сосны плакали и стонали. Кругом было темно, неприветно. Звери попрятались к себе в берлоги, чтобы переждать в них лютую непогоду. Им было весело, тепло и уютно. У всех у них были семьи, были добрые, ласковые детки, были родные.

У серого Мишки не было никого. Совсем одинок на белом свете был серый лохматый Мишка. И жил он, как отшельник, один-одинешенек в самой чаще леса, и никто никогда не заглядывал к нему.

Он был большой-пребольшой и сильный-пресильный, такой большой и такой сильный, что все его собратья-медведи казались слабыми малютками в сравнении с ним.

И все звери его боялись: и зайцы, и лисицы, и волки, и медведи. Да, даже медведи боялись его, когда он шел по лесу, весь всклокоченный, огромный и страшный, со сверкающими глазами; и как только он своей неуклюжей, тяжелой поступью выходил из берлоги, все бежало, сворачивая в сторону с его пути.

А между тем он никому не сделал зла и был страшен только потому, что одичал в одиночестве.

А одиноким он был давно. Давным-давно пришел он в этот лес из глухого, черного бора и поселился здесь, в чужом лесу, в новой, наскоро им самим вырытой берлоге.

Люди отняли у него медведицу-жену и детей-медвежат, убили их, а его самого ранили пулей. Эта пуля крепко засела в толстой медвежьей шкуре и напоминала ему о том, что люди его враги, что они сделали его несчастным на всю жизнь. И серый Мишка ненавидел людей, как только можно ненавидеть самых злейших врагов. И зверей он ненавидел: ушел от них в лес подальше и не хотел дружить с ними. Еще бы! Ведь они были счастливы по-своему, а ему одинокому, обиженному и одичавшему, было больно смотреть на чужое счастье.

В те дни, когда кружилась метель и пел ветер, он чувствовал себя лучше, и легче и веселее становилось у него на душе. Он залезал в свою берлогу, лизал лапу и думал о том, как злы и жестоки люди и как он ненавидит их — он, большой, серый, косматый медведь.

Шумел лес, кружилась метелица и старые сосны скрипели.

Мишка лежал на своей постели из мха и листьев и ждал приближения ночи. Ему хотелось уснуть хорошенько, чтобы забыть и злобу, и ненависть, и тоску.

И вдруг в полутьме его берлоги что-то блеснуло неожиданно ярко. Какой-то розовый комочек перекувырнулся в воздухе и упал к самым ногам медведя.

Мишка наклонился, взял в лапу розовый комочек и поднес его к самым глазам, стараясь рассмотреть неизвестный предмет.

Смотрел Мишка, смотрел — и брови его нахмурились, глаза сверкнули.

— Неужто человеческое существо! — произнес он сердито. — Хотя и крошечное, маленькое, а все-таки человеческое существо, человек. Да, да, не что иное, как человек.

Действительно, то, что лежало бездыханное на широкой мохнатой его лапе, было очень похоже на человека; только оно было ростом в мизинец, не больше, и с лучистыми крылышками за спиною.

Оно казалось мертвым, это маленькое человеческое существо со светящимися крылышками за спиною, с прелестным, хотя и посиневшим от холода личиком.

Но медведь злобно смотрел на маленькое существо, не заметя, как оно прекрасно. Ему хотелось уничтожить его, потому что маленькое существо было похоже на его врага — человека.

Мишка уже занес другую лапу, чтобы убить ею малютку, как вдруг согретое горячим медвежьим дыханием маленькое существо ожило, встрепенулось, открыло глазки и зашевелилось своими лучистыми крылышками… И вся внутренность берлоги сразу осветилась ярким светом, и странные звуки точно серебряного колокольчика, звуки, каких угрюмый Мишка никогда в жизни не слыхал, наполнили все уголки и закоулки его жилища. И показалось Мишке, что в его берлоге стало светло, как в первый день ясного мая, и что запахло в ней цветами, весенними душистыми цветами старого леса…

А странное существо с блестящими крылышками, раскрыв, свои глазки, залилось звонким смехом.

— О-о, какой смешной, странный медведь, — звенело оно, — какой большой, дикий медведь! Не думаешь ли ты убить меня? Ха, ха, ха, ха! Вот глупый, глупый Мишка! Поднял свою косматую лапу, ворочает своими свирепыми глазами и думает, что напугал этим маленькую фею.

— Разве ты фея, а не человек? — удивился медведь.

— Ну, конечно, фея, глупый! Люди велики и неуклюжи, а я мала и изящна, как цветок. Вглядись-ка в меня хорошенько. Разве бывают люди такие грациозные, такие подвижные, как я? И потом, я не боюсь смерти, как люди! Если ты убьешь меня, я превращусь в тот цветок, из которого я появилась, и новая жизнь улыбнется мне. Бабочки будут порхать вокруг меня, пчелы станут напевать свои мелодичные песенки, а серебряный луч месяца расскажет мне такие чудесные сказки, каких ты, большой, серый, неуклюжий медведь, наверное, не слыхивал. Когда же придет осень и цветы завянут, я превращусь снова в фею, лучистую, красивую, как сейчас, и улечу на зиму в южные страны.

— Но как же теперь, в такую стужу, ты осталась здесь и чуть живая очутилась в моей берлоге? — заинтересовался медведь.

Фея засмеялась еще веселее.

— О, о, это мой маленький каприз! — вскричала она весело. — Я хотела увидеть зиму, метель, вьюгу, я хотела услышать песенку ветра, чтобы потом похвастать всем виденным перед моими подругами! И я спряталась в дупло старой сосны, думая полюбоваться оттуда на все это. Но стало холодно, так холодно, что я закоченела. Я привыкла к теплу и свету, к радостям жизни и аромату цветов. А тут еще старый дятел, хозяин дупла, выгнал меня из своего жилища. Глупый дятел совсем не понимает вежливого обращения с такими хорошенькими феями, как я. Ветер подхватил меня, вьюга закружила мне голову и… и не знаю, как я очутилась в твоей берлоге, на твоей косматой лапе, серый медведь.

— А ты не боишься, что я съем тебя? — поинтересовался снова Мишка.

— Нет, не боюсь… Я самая хорошенькая фея, какая может только встретиться в вашем лесу, и тебе жаль будет съесть меня, — снова засмеялось-зазвенело странное существо. — И потом я буду рассказывать тебе сказки, и тебе будет веселее со мною, чем одному. О, ты не знаешь еще, какие сказки умеет рассказывать фея Лиана.

— Тебя зовут Лиана? — осведомился медведь.

— Да, меня зовут Лианой! Розовый Май, мой крестный отец дал мне это хорошенькое имя. Что же, ты все еще хочешь прогнать меня из своей берлоги? Или ты хочешь съесть меня, глупый серый медведь?

Медведь нахмурился и усиленно засосал лапу. Ему жалъ было расставаться со звонким и нежным, как серебряный колокольчик, смехом, и с ярким светом в своей берлоге, и с ароматом весенних цветов, который наполнил ее с появлением феи.

Но она, эта маленькая фея, так была похожа на человека, а он, Мишка, ненавидел людей и обещал отомстить им за то, что они сделали его одиноким. Не отомстить ли ему заодно и маленькой фее?

Пока Мишка думал о том, как ему быть, фея, не дожидаясь, начала тихонько, вполголоса, рассказывать ему сказку, такую сказку, какой, наверное, не знал сам могучий зеленобородый хозяин леса, лесовик.

А когда Лиана кончила свою сказку, суровое, угрюмое выражение сошло с морды медведя, складки на лбу расправились и глаза загорелись приветливым, мягким светом.

— Ты можешь остаться в моей берлоге! — разрешил он милостиво Лиане. — Тебе будет здесь тепло, хорошо и уютно!

И Лиана осталась.

«У меня была медведица-жена и трое медвежат, ласковых и игривых. Их отняли злые люди, и я остался одиноким, угрюмым медведем. Звери боятся меня. А Лиана не боится. Она доверяет мне. Она садится мне на лоб и тормошит меня за уши, она трогает мои острые, огромные зубы своими нежными пальчиками, дует мне в глаза, а когда я морщусь от этого, она заливается звонким смехом над моими невольными гримасами. Она не боится меня, не чуждается, она привыкла ко мне и не хочет мне зла. Злые люди отняли у меня медведицу и трех славных медвежат, а судьба за это подарила мне Лиану. Буду заботиться о Лиане за ее доброту и ласку ко мне», — так рассуждал медведь, ступая по лесу, а звери с недоумением смотрели ему вслед.

— Удивительно, что сталось с нашим букой. Он выглядит много приветливее и добрее! — говорила кумушка-лисица молодому лесному волку.

Тот прищурился вслед медведю и, виляя хвостом, процедил сквозь зубы:

— Не удивляйтесь. Если бы в вашей норе стало так светло, уютно и прекрасно, как у него в берлоге, вы бы тоже изменились, как он.

Фея Лиана совершенно преобразила суровую, неприветную берлогу Мишки.

Вместе с ярким светом своих крылышек, вместе с ароматом цветов и журчаньем сказок она внесла веселье, жизнь, сердечность и радость в угол бедного одинокого медведя.

И Мишка за это платил беззаветной преданностью и верной службой маленькой фее.

Он всячески старался угождать ее малейшим капризам, угадать каждое ее желание.

А желаний и капризов у феи Лианы было немало.

Однажды ей захотелось иметь тот цветок розы, который она видела когда-то в окне соседней с лесом деревушки.

Мишка отправился в деревню и похитил цветок, рискуя собственной шкурой. Но оказалось, растение представляло один только жалкий стебелек с листьями, а самого цветка уже не было на нем. Роза давно отцвела.

Лиана затопала ножками от досады и успокоилась только тогда, когда Мишка, вместо розы, устроил ей крошечную колесницу из сосновой хвои, впряг в нее белку, пойманную им в лесу, и Лиана могла разъезжать в своем новом экипаже по всей берлоге.

Но интереснее всего было то, что фея Лиана научила плясать угрюмого, серого Мишку.

Когда ей надоедало рассказывать сказки или кружиться по берлоге со своей белкой, она заставляла петь сверчков в углу их жилища и приказывала Мишке плясать одну из тех неуклюжих потешных плясок, которые умеют исполнять одни лишь медведи.

И Мишка плясал, чтобы только угодить своей маленькой гостье. А когда он уставал и пот градом катился с его тяжелой шкуры, Лиана вспархивала ему на голову и махала над ним своими легкими крылышками, и медведю от этого становилось прохладно и легко. Так весело и хорошо протекало время в медвежьей берлоге. Серый медведь давно забыл свое горе. Он крепко полюбил Лиану и, не задумываясь, отдал бы жизнь за нее.

Наступила весна. Снег в лесу растаял. Потекли быстрые ручейки в ложбинах. Белый подснежник сиротливо выглянул из зеленой травы.

Мишка увидел подснежник, сорвал его и принес Лиане. Веселая фея при виде первого весеннего цветка побледнела разом и стала сама белее принесенного подснежника. В глазках Лианы отразилась безысходная грусть. Она сложила свои крылышки и вся опустилась и потемнела,

— Что с тобою, Лиана? — испуганно наклонился к ней медведь.

— Ах, ничего, ничего… — произнесла она таким голосом, от которого болезненно замерло медвежье сердце.

Но расспрашивать про ее горе он не посмел, потому что боялся еще более растревожить маленькую фею.

Прошел еще месяц, и лесная лужайка запестрела цветами. Красавчик Май выглянул из своей нарядной колыбели и поздравил с праздником природу. Ему ответил жаворонок мелодичной и звонкой трелью. Эта трель достигла слуха Лианы. Она затрепетала и забилась от нежных звуков птичьей песенки. Глаза ее широко раскрылись, в них появились слезы.

Медведь увидел эти слезы и произнес с чувством:

— Люди, слыхал я, плачут много и сильно, но феи — никогда. Только большое горе может вызвать слезы на веселых глазках феи. У тебя, вероятно, есть какое-нибудь горе. Ты хочешь на волю, Лиана, к таким же веселым, маленьким феям, как и ты!

Но фея заплакала еще сильнее, услышав эти слова.

— Нет, нет, я не уйду от тебя! Лиане жаль оставить тебя снова одиноким, — говорила она. — Ты будешь скучать без меня, потому что я успела своими сказками, своей веселой болтовней и смехом заставить тебя забыть твое горе. Нет, я не уйду от тебя, я не хочу быть неблагодарной: ты дал мне приют в своем жилище, когда мне некуда было деваться, ты спас меня от стужи и смерти… Нет, нет, я не оставлю тебя! Будь покоен, мой Друг! Сердце Мишки забилось радостно и тепло. Он понял, что не все в мире несправедливы и жестоки. И он еще крепче полюбил своего друга — маленькую фею за ее слова.

Все пошло по-старому, только Лиана не выглядывала больше из медвежьей берлоги и поминутно затыкала свои маленькие уши, чтобы не слышать трелей жаворонка, заливавшегося в лесу.

И вдруг однажды, когда медведь дремал на свежей моховой постели, а Лиана, сидя около его уха, нашептывала ему свои прелестные сказки, в берлогу влетел хорошенький голубой мотылек. На спине мотылька сидела чудесная маленькая фея, как две капли воды похожая на Лиану.

— Привет тебе! Привет тебе! — залепетала она, бросаясь в объятия Лианы. — Наконец-то я нашла тебя, сестра! Я искала тебя по всему лесу, чтобы сказать тебе приятную новость. Завтра в первое новолуние мы, лесные феи, празднуем избрание нашей королевы. Каждая из нас расскажет то, что видела интересного за эту зиму. И та, чей рассказ будет лучше всех, сделается нашей повелительницей. Я прилетела известить тебя об этом сюда, потому что лесная мышь сказала мне, что тебя можно найти в медвежьей берлоге. Смотри, не забудь прилететь завтра на наше торжество.

И, прозвенев все это своим колокольчиком-голоском, фея-гостья снова умчалась на спине своего возницы — мотылька.

Мишка взглянул на Лиану. Она лежала, вся съежившись, в самом дальнем уголку берлоги. Ее глаза, широко раскрытые, выражали такую безысходную тоску, что медведь не выдержал и произнес глухим, убитым голосом:

— Ступай, Лиана! Ступай обратно в твое майское царство зелени, песен и цветов! Ты появишься среди веселых маленьких фей, расскажешь им про дружбу и преданность сурового одинокого медведя, и они выберут тебя своей королевой, потому что твоя сказка будет самой интересной из всех. Прощай, Лиана, лети в свое царство! Феи должны быть свободны, должны жить и радоваться среди цветов, и не место им в темной и душной звериной берлоге. И с этими словами он сиротливо поник своей косматой головою.

Лиана встрепенулась. Ей было бесконечно жаль оставить доброго, славного Мишку, которого она успела приучить к себе и которого заставила забыть его одиночество; но в то же время ее неудержимо тянуло в царство маленьких фей, зелени, цветов, в царство веселья и радости, из которого она явилась. Недолго колебалась маленькая, розовая фея. Бросила она последний взгляд на медведя, кивнула ему хорошенькой головкой и, расправив блестящие крылышки, нежно прозвенела ему на ушко свой прощальный привет. А потом, с болью в сердце, но с сознанием возвращенной свободы, улетела, как быстрая птичка, из медвежьей берлоги.

Она примчалась с быстротою молнии на посеребренную лунным сиянием цветочную поляну как раз в ту минуту, когда под звуки соловьиной песни одна из фей, сидя на троне будущей королевы, закончила свою сказку.

Вокруг трона королевы, на чашечках ночных фиалок, сидели крошечные феи и аплодировали рассказчице.

— Ее сказка лучше всех остальных! — звенели они своими колокольчиками-голосами. — И прелестная рассказчица должна быть нашей королевой.

Но тут появилась Лиана и, опустившись на цветок дикого левкоя, рассказала им правду-быль о том, как злой, страшный, угрюмый, дикий медведь стал добрым и кротким с тех пор, как в его берлоге появилась крошечная фея, и как он полюбил фею, как заботился о ней и как ему не хотелось расставаться с нею. А в заключение она рассказала и о том, как самой фее жаль было оставить одинокого Мишку с разбитым сердцем…

Эта сказка была так хороша, что даже соловей затих, прислушиваясь к красивому повествованию.

И маленькие эльфы плакали, слушая сказку Лианы, плакали, слушая сказку о разбитом медвежьем сердце.

И когда она кончила, цветы и феи, соловьи и ночные бабочки аплодировали ей.

И все в один голос выбрали ее королевой. Светляки зажглись в траве и осветили картину ночного майского праздника. Лиану посадили на трон, и многочисленная свита воздушных маленьких фей старалась предупредить каждое желание новой королевы.

Но королева смотрела печально на всех своими красивыми глазками.

Ей представлялась далекая, темная берлога, невзрачная постель из старых листьев и мха и одинокий, бедный, печальный медведь, думающий с тоскою о ней — королеве…